

В. Поцци

Культура как *paideia*¹.

Сергей Аверинцев и Ольга Седакова: путь к современному христианскому гуманизму

Задача настоящей статьи — показать в новом свете фигуры филолога Сергея Аверинцева и его ученицы поэта Ольги Седаковой, представив их как «публичных интеллектуалов». Поскольку подобное определение может показаться парадоксальным по отношению к этим русским интеллектуалам, деятельность которых во многом связана с «альтернативной» культурой постсоветской эпохи, в первой части статьи излагаются их интеллектуальные биографии: внимание сосредоточено на аспектах их публичного поведения, доказывающих основную мысль данной статьи. Суть их интеллектуального служения связана с пониманием культуры как *paideia*, т. е. живого слова, которое необходимо передавать не только в академической, но и в публичной сфере. Восстановление разрушенных связей с источниками культуры (как христианскими, так и секулярными), напоминающее деятельность гуманистов в XIV и XV вв., для Аверинцева и Седаковой было главной задачей культуры. Иными словами, они стремились предложить все богатство традиции, находя для этого новые слова, предоставляя человеку возможность заново открыть собственную ценность, открыться Иному и трансцендентному. Статья основана на текстах выступлений, гомилиях и докладах, которые звучали в неакадемическом контексте и которые до сих пор практически не учитываются в публикациях, посвященных Аверинцеву и Седаковой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Сергей Аверинцев, Ольга Седакова, публичные интеллектуалы, христианский гуманизм, культура, *paideia*, традиция.

1. *Paideia* — (греч. παιδεία — формирование ребенка, образование, воспитанность, культура) — понятие античной философии, означающее универсальную образованность (см.: Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 189). — Прим. ред.

A word is dead
When it is said,
Some say.

I say it just
Begins to live
that day².

Emily Dickinson

Сергей Аверинцев и Ольга Седакова как «публичные интеллектуалы»³

Интеллектуальный труд порой накладывает обязательства, выходящие за рамки узкой специальности и почти неизбежно затрагивающие публичную сферу. Показателен в этом смысле XIX в. как в Европе (достаточно упомянуть о деле Дрейфуса и о том, какую роль в этой связи сыграл Эмиль Золя), так и в Российской империи (различные группы интеллигенции). Если пойти дальше и вспомнить позднесоветскую эпоху, можно задаться вопросом: были ли среди интеллектуалов те, кто играл заметную роль в публичной сфере?

Главная задача настоящей статьи — доказать, что именно в эти годы некоторые интеллектуалы начинают играть публичную роль, которую они сохраняют и в постсоветское время. Для этого мы сосредоточим внимание на двух примерах: первый связан с именем филолога Сергея Сергеевича Аверинцева (Москва, 1937 — Вена, 2004), второй — с поэтом Ольгой Александровной Седаковой (Москва, 1949). Несмотря на разницу в возрасте, образовании и сфере научных интересов, Аверинцев и Седакова, которых связывала долгая дружба, относились к передаче культуры как к важнейшему элементу воспитания активного и социально

2. Слово мертво
Лишь прозвучит
Оно.
Скажу сейчас
Пусть оживет
Тотчас (*Эмили Дикинсон*).

(Пер. Галины Девяткиной. — *Прим. ред.*)

3. Решающую роль в восприятии С. С. Аверинцева и О. А. Седаковой как «публичных интеллектуалов» сыграла беседа с Александром Кырлежевым в апреле 2018 г. в Москве. Благодарю его за то, что познакомил меня с понятием “Kulturträger”.

Также благодарю Кристину Штекль, которая согласилась обсудить со мной содержание настоящей статьи. Что касается библиографии, нужно упомянуть, что за последние тридцать лет о «публичных интеллектуалах» вышло несколько книг. В основном в них приводятся примеры англоамериканских или французских интеллектуалов, когда же упоминается (как правило, кратко) СССР, приводятся примеры, получившие широкий резонанс на Западе: Б. Л. Пастернак, А. Д. Сахаров, А. И. Солженицын. См., напр.: [Posner, 162; Hassner, 123–139].

ответственного человека. Как известно⁴, в 1970–1980-е гг. Ольга Седакова была ученицей С. С. Аверинцева. Седакова вспоминает:

Ему посвящена значительная часть моей работы — работы, в которой я пытаюсь понять новаторство и оригинальность введенного им культурного и герменевтического метода [Sedakova 2014, 206].

В первой части статьи мы постараемся выяснить, в чем заключалась публичная роль⁵ С. С. Аверинцева и О. А. Седаковой, кратко изложив их интеллектуальные биографии.

Что касается Сергея Аверинцева, о его «публичной роли» нужно говорить со времени Советского Союза: лекции по византийской эстетике, которые он читал в МГУ в 1969–1971 гг., были чрезвычайно популярны среди студентов (что для того времени было необычно)⁶; он написал около шестидесяти статей для четвертого и пятого томов «Философской энциклопедии» (т. 4, 1967; т. 5, 1970), выпущенной в свет АН СССР⁷; с 1960 по 1989 гг. он опубликовал почти двести научных работ⁸ (книг, статей, обзоров, переводов). Деятельность Аверинцева-переводчика трудно переоценить. С 1960-х гг. и до конца жизни он перевел значительное число текстов на самые разные темы (включая латинскую и греческую поэзию и философские трактаты, средневековые гимны, псалмы, современную немецкую литературу, французскую философию XX в.). Переводы, регулярно выходившие в книгах

4. О. А. Седакова неоднократно писала о том, какую роль сыграл в ее интеллектуальном формировании С. С. Аверинцев. См., например: «Апология рационального. С. С. Аверинцев» [Седакова 2010a]; «Два отклика на кончину Сергея Сергеевича Аверинцева» [Седакова 2010b]; “Reflections on Averintsev’s Method” [Sedakova 2006]. В качестве письменного свидетельства их диалога см. письмо Аверинцева к Седаковой, опубликованное в декабре 2017 г. в журнале «Гефтер» (URL: <http://gefter.ru/archive/23469> (дата обращения: 15.04.2019)).

5. О публичной роли С. С. Аверинцева сказано у Дж. Саттона во вступлении к выпуску 58 (2) журнала “Studies in East European Thought” (Sutton J. “Studies in East European Thought : Introduction” [Sutton, 69]) (первая часть тома посвящена русско-му филологу): «Означает ли взаимное укрепление связи между религией и современной культурой то, что сегодня религия может играть конструктивную и даже воспитательную роль в публичной сфере?»

Понять публичную роль Аверинцева помогают и сведения, изложенные в другом источнике: [Rossicci]. О Седаковой см.: К. Голубович «Поэт и тьма. Политика художественной формы»: [Голубович]; В. Файбышенко «Свобода и центр : Несколько слов о переписке Владимира Библихина и Ольги Седаковой» [Файбышенко]. Об Аверинцеве и Седаковой см.: И. Кукулин «Стилизация фольклора как воспоминание о Европе : “Старые песни” и “Песни западных славян”» [Кукулин].

6. «Большая университетская аудитория не могла вместить и трети людей, сходящихся “на Аверинцева”, чтобы впервые — в его переводах и с его комментариями — услышать головокругительные пассажи из трактатов Ареопагита, гимнов Дамаскина и других великих богословов и мистиков Византии...» [Седакова 2005b, 18].

7. О значении энциклопедических статей для работы Аверинцева см.: [Sigov].

8. Подробнее см.: [Аверинцев. 1937–2004, 85–118].

и журналах, доказывают стремление Аверинцева познакомить российского читателя с мировой культурой. Более того, в 1989 г., когда перестройка была в самом разгаре, Аверинцева избрали делегатом Съезда народных депутатов СССР от Академии наук⁹, он выполнял депутатские обязанности до 1991 г.

Мы воздержимся от перечисления научных организаций и университетов, в которых Аверинцев работал в 1990-е гг.: подобный список был опубликован в 2005 г.¹⁰ Нас больше интересует особая деятельность, которой он занимался с 1990 г., — служба чтецом и проповедником в приходах Преображенского братства в Москве¹¹. Помимо этого Аверинцев внес существенный вклад в работу основанного братством Свято-Филаретовского православно-христианского института: он выступал на многих конференциях, являлся членом Попечительского совета института. Недавно автору этой статьи представилась возможность взять интервью¹² у свящ. Георгия Кочеткова, основателя Братства и ректора СФИ, и поговорить с ним о роли, которую играл в общине Сергей Аверинцев. Приведем некоторые из его ответов:

Уже в девяностых годах я его пригласил в редколлегию нашего журнала «Православная община». А до этого он у нас только помогал в алтаре и проповедовал. Так вот, он автономно, самостоятельно обсуждал самые острые вопросы, т. е. не просто числился, давал свое имя и тексты, но всегда вникал в суть дела и очень помогал. Он был не просто интеллигентом, ведь просто интеллигентов довольно много, он был как целый мир, а таких людей по всему свету крайне мало [Интервью].

Иными словами, Аверинцев стремился внести вклад в жизнь конкретной христианской общины, «переводя» результаты научной работы в слова, понятные неакадемической аудитории¹³. Если попытаться дать определение Аверинцеву-интеллектуалу,

9. Для Аверинцева этот опыт оказался непростым, частично он рассказывает об этом в статье «К совести», которая представляет собой текст его несостоявшегося выступления 9 июня 1989 г.; она была опубликована в «Советской газете» (15 июня 1989, с. 2).

10. См.: [Аверинцев. 1937–2004, 4–5].

11. Гомилии Аверинцева вошли в издание: Аверинцев С. С. Духовные слова : К 70-летию со дня рождения С. С. Аверинцева [Аверинцев 2007а].

12. Интервью взято в Москве 29 июля 2018 г. Автор благодарен свящ. Георгию Кочеткову за

разрешение опубликовать его ответы. Устные свидетельства о ситуации в позднесоветскую эпоху чрезвычайно важны для понимания роли таких интеллектуалов, как С. С. Аверинцев и О. А. Седакова. Ввиду скудности письменных источников, именно интервью и устные свидетельства помогут восстановить “oral history”, которая станет основой для дальнейших исследований.

13. О вкладе Аверинцева в жизнь Преображенского братства см. также: Кочетков Георгий, свящ. «Чудо личности академика Сергея Аверинцева» [Кочетков].

его можно назвать посредником: в позднесоветский период он старался восстановить связь с дореволюционной культурой и обширной христианской традицией; в 1990-е гг., когда открылись новые возможности для коммуникации, он искал новые пути для передачи этого наследия.

Ольга Седакова, известная сегодня как один из лучших русских поэтов, в советское время не могла играть столь же заметной публичной роли как Сергей Аверинцев. Однако было бы ошибкой считать, что ее деятельность не имела никакого общественного резонанса: хотя из-за цензуры ее произведения не печатали в России до 1989 г., стихи Седаковой широко ходили в самиздате и в эмигрантских кругах¹⁴. С 1990-х гг., когда начали возникать новые пространства для общения, Седакова опубликовала в известных периодических изданиях множество статей и эссе, прежде всего, по вопросам этики, философии и теологии¹⁵. Ее особенно интересовали значение традиции, роль искусства и культуры в современном обществе (тоталитарном, посттоталитарном и постсекулярном), свобода, христианская эсхатология¹⁶. С 1991 г. Седакова работает в Отделе христианской культуры Института мировой культуры МГУ, который с 1992 г. и до самой смерти возглавлял Аверинцев. Седакова также читает лекции и проводит семинары в Европе и США (Килский университет, Висконсинский университет в Мадисоне, Стэнфордский университет и др.). За последние тридцать лет она дала несколько интервью, появившихся в периодической печати и на веб-сайтах, причем как в России, так и за рубежом¹⁷. Последний труд Седаковой — новый перевод дантовского «Чистилища»¹⁸ — доказывает, что она продолжает работать, помня о своем «адресате»¹⁹. Стремление «передать» культурное содержание — главное в деятельности Седаковой,

14. Первый сборник стихов Седаковой «Врата, окна, арки» вышел в Париже в издательстве «YMCA-Press» [Седакова 1986].

15. «Знамя», «Иностранная литература», «Континент», «НЛО» и др.

16. Работы, написанные до 2010 г., собраны в четвертом томе собрания сочинений — *“Moralia”* (см.: Седакова О. Четыре тома. Т. 4 : *Moralia* [Седакова 2010л]).

17. Недавно эти интервью были выпущены в сборнике «Вещество человечности : Интервью 1990–2018» [Седакова 2019].

18. Коллективная работа ведется в рамках семинара «Перевод Данте», организованного *Arzamas*.

academy. URL: <http://7seminarov.com> (дата обращения: 15.04.2019).

19. Седакова с советских времен переводила многих поэтов и писателей (Дитрих Бонхейффер, Эмили Дикинсон, Джон Донн, Поль Клодель, Райнер Мария Рильке, Пауль Тиллих, Франсуа Федье, Пауль Целан, Т. С. Элиот, Эзра Паунд и др.), см.: Седакова О. А. Четыре тома. Т. 2 : Переводы [Седакова 2010л]. Кроме того, она переводила литургическую поэзию, см.: Седакова О. А. Марины слезы. Комментарии к православному богослужению. Поэтика литургических песнопений [Седакова 2017].

которая стремится подарить современному российскому читателю «живой», несущий послание текст: «Современная культура и литература... лишены великой надежды, а Данте — поэт такой надежды. Современный человек больше не знает, в чем искать такую надежду» [*Il mio nuovo Dante*]. В последние годы пути Седаковой и Преображенского братства пересеклись. Она стала членом Попечительского совета Свято-Филаретовского института и регулярно принимает участие в фестивалях и конференциях, на которых обсуждаются важные вопросы современной христианской антропологии²⁰.

Публичная роль С. С. Аверинцева и О. А. Седаковой выражалась не в политических действиях и заявлениях: в этом отношении они далеки от интеллигенции XIX в., от диссидентов в узком смысле слова и от большинства европейских публичных интеллектуалов XX в. В интервью, данном в 2012 г., Седакова говорит: «... в любом случае народ здесь — предмет служения. А для интеллектуала — культура» [*Можно жить дальше*, 385]. Аверинцев и Седакова напрямую не касались общественных или политических вопросов, не относящихся к их непосредственной компетенции, скорее, их усилия были направлены на то, чтобы преодолеть ограничения, которые накладывают пространство и академический лексикон на то, чтобы культура превратилась в *paideia* — воспитание в общественной сфере²¹.

Во второй части статьи мы подробнее остановимся на понимании культуры у С. С. Аверинцева и О. А. Седаковой, используя понятие «христианского гуманизма»²²: переосмысление этими

20. См., напр., две статьи Седаковой, которые проливают свет на ее интеллектуальную позицию и которые были представлены на конференциях в Свято-Филаретовском институте в 2005 и 2006 гг.: «О природе традиции» [*Седакова 2005a*] и «Свобода как эсхатологическая реальность» [*Седакова 2010к*].

21. Подобное понимание задач культуры возникло среди русских интеллектуалов задолго до Аверинцева и Седаковой. Как подчеркивает А. Роккуччи, Аверинцев развил понимание культуры, изложенное Михаилом Бахтиным: «Антропологическое и культурное измерение переплетаются в стремлении преодолеть разрыв между жизнью и культурой и отыскать в культурных структурах следы того, что относится к самой глубинной и существенной части человеческого существования»

[*Roccucci, 107*]. И Аверинцев, и Седакова писали о том, какое значение имела для их формирования мысль Бахтина, см., напр.: Аверинцев С. С. «Бахтин, смех, христианская культура» [*Аверинцев 2005*]; Седакова О. А. «М. М. Бахтин — другая версия» [*Седакова 2010ж*].

22. Под «христианским гуманизмом» я понимаю интеллектуальную перспективу двух светских православных авторов, Сергея Аверинцева и Ольги Седаковой, верящих в то, что возрождение культурной традиции, которая тесно переплетена с духовной религиозностью, — путь к освобождению от «заурядности без трансцендентности», к которой привел советский тоталитаризм. По мнению их обоих, восстановление разрушенных связей с источниками культуры (как русскими, так и западными, как с христианскими, так и

двумя мыслителями классических тем гуманизма (возвращение к истокам, значение перевода, центральное положение человечества) станет основой для дальнейшего анализа.

При выборе источников для анализа мы руководствовались четкими критериями: в рассмотрение включены выступления перед неакадемической аудиторией и, что касается Аверинцева, некоторые из его гомилий (в этом смысле деятельность Аверинцева и Седаковой нередко связана с жизнью Преображенского братства).

Отбор материала отвечает стремлению выполнить две задачи: с одной стороны, привести примеры из текстов, доказывающие, что эти тексты выполняют интеллектуальную функцию “*paideia*”, с другой — предложить толкование текстов, подтверждающее публичную роль их создателей. Нельзя попытаться понять ход мысли Аверинцева и Седаковой, не учитывая, какие цели они стремились достичь как интеллектуалы: в этом смысле выступления перед неакадемической аудиторией дают ключ к пониманию интеллектуальной перспективы — ключ, который может оказаться полезным и при описании их научных работ.

«Передача» нового христианского гуманизма

О природе традиции. Человек как Homo Haeres

Вопрос традиции, понимаемой как культурное наследие прошлого и как ответственность за передачу его будущим поколениям, имеет для Аверинцева и Седаковой особое значение: понять это можно, учитывая исторические обстоятельства, в которых развивалась их мысль, т. е. специфику позднесоветского периода. Термин «традиция» не нес негативного смысла как принудительное навязывание образцов из прошлого, а означал ровно противоположное — возможность получить доступ к тому, что Т. С. Элиот называл «накопленной мудростью прошлого» [Eliot, 21]. Седакова пишет:

секулярными) дарит человеку возможность заново открыть себя самого как возлюбленное творение, открытое Иному и трансцендентному. Это определение уже появлялось в источниках и последних публикациях, посвященных их мысли. Седакова использует его, говоря об Аверинцеве, в 2005 г., см.: «Сергей Сергеевич Аверинцев :

К творческому портрету ученого» [Седакова 2005в, 38, 52 и сл.]. Об Аверинцеве см. также: Kahn A., Lipovetsky M., Rayfman I., Sandler S. “A History of Russian Literature” [Kahn, Lipovetsky, Rayfman, 598]. О Седаковой см.: Паллофф Б. «Если это не сад: Ольга Седакова и незавершенная работа творения» [Паллофф].

Нам, русским, трудно понять состояние духа, рождающее западную контркультуру и нападки на традицию, которая воспринимается как репрессивная структура, в то время как для нас малейший контакт с традицией обладает огромной освободительной силой [Sedakova 2007, 6].

Начиная с 1990-х гг. Седакова размышляет о сути традиции, понимая, насколько сложным оказался этот вопрос как в постсоветской России, так и на секулярном Западе. На конференции, организованной Свято-Филаретовским институтом в 2005 г., она выступила с докладом «О природе традиции», сосредоточив особое внимание на традиции «в общекультурном смысле», т. е. «вещи, относящейся к человеку как таковому» [Седакова 2005а]. Традиция воспринимается как главное свойство человеческого опыта и человека как «*homo haeres*», существа наследующего и передающего наследство» [Седакова 2005а]. Подобное понимание традиции полностью соответствует тезису Сергея Аверинцева. По его мнению, и культура, и отношения между людьми касаются самой сути человеческого опыта: «Все мы имеем одно общее свойство — мы не пустынные. <...> Отсутствия культуры в смысле нуля, чистого пустого отсутствия не бывает» [Аверинцев 2007в, 166]²³. Ниже он продолжает: «То, что мы называем отсутствием культуры, не есть отсутствие культуры, это всегда плохая культура» [Аверинцев 2007в, 166].

Образ традиции, встающий за словами Седаковой, находится внутри намеченного Аверинцевым «культурного континуума», который в одни эпохи течет свободнее, чем в другие. Седакова указывает на разрыв в континууме как на «знак наших дней. Передача не действует... что-то сломалось в нашей цивилизации» [Седакова 2005а]. Поломка связана с тем, что положительное значение традиции как постоянно развивающегося наследия, которое передается из поколения в поколение, подменили чем-то вроде насмешки (т. е. «плохой культурой»), о которой говорил Аверинцев. — В. П.): динамический смысл традиции исчезает, заменяется противоположностью, «принадлежностью к внеличной, тем более освященной норме», которая «дает человеку чувство оправданности, снимает ответственность, снимает чувство

23. Текст под названием «Христианство и культура» представляет собой запись выступления Аверинцева на VI конференции Преображенского братства «Миряне в церкви», которая состоялась в Москве 17–20 августа 1995 г.

вины, которое становится невыносимым, если человек один за все отвечает и все должен сам решить» [Седакова 2005]. Противоположная форма традиции ополчается против индивидуума, раздавленного необычной, безличной силой: если это традиция, «отдельный человек может ее переживать как чужое для того, что он в себе знает как несомненно самое “свое”» [Седакова 2005]. Чаще всего на подобную «традицию» встречаются две противоположные, симметричные друг другу реакции: решительный отказ принимать принуждающую, уничтожающую индивидуальность силу (деконструкция/релятивизм) или безусловное принятие традиции как совокупности «правил» (фундаментализм/новый традиционализм)²⁴. Если же рассматривать традицию как нечто, теснее всего связанное со словами «устойчивость» и «незыблемость», то, как признает Седакова, остаются две возможности: «или приобщиться к какой-то предельно жесткой норме — или же наоборот, решить, что никакие нормы больше не действуют» [Седакова 2005a]. Аверинцев описывает социальные последствия ослабления традиции (в данном случае христианской традиции), которая сводится к ограниченному набору правил:

Современный мещанин... современный конформист, человек, который хочет быть, как все, слышит только преувеличения, только крайние и упрощенные суждения. Его трудно уговорить быть верующим, но его легко уговорить быть фанатиком [Аверинцев 2007a, 168].

Когда духовное содержание культуры исчезает и традиция утрачивает жизненную силу, остается подражание, конформизм, грубое упрощение фанатизма.

Суть тезиса Седаковой понятна из следующего отрывка из ее выступления: уйти от внешнего выбора между крайностями можно лишь заново пересмотрев само понятие традиции, вернув ему динамическую полноту. Традиция, какой рисует ее Седакова (та же, что у нее на глазах сыграла решающую роль в возрождении подлинно гуманистического чувства в советское время), — не набор норм и условностей, а голос изменений. Когда Седакова заново осмысляет понятие традиции как «предания», она опирается на этимологию: «Если мы будем верить самому слову *tradition*, то в русском переводе это будет “пере-дача”, а в славянском “предание”» [Седакова 2005a]. Природа «передачи» применительно

24. См. подробнее об этом: [Седакова 2005a].

к традиции не противоречит ее смыслу: «Вопрос вовсе не в том, устойчиво или неустойчиво традиционное. В слове акцентирован момент передачи: нечто передается, передается из рук в руки» [Седакова 2005а]. В подобной перспективе традиционное очевидно влечет за собой «перемену» — до такой степени, что, как подчеркивает Седакова, «его нельзя без этого представить» [Седакова 2005а]. Подобная «передача» (в том же смысле, что и латинский глагол “*traducere*”) подразумевает и непрерывность, и разрыв. Вокруг такого же понимания традиции сосредоточена гомилия, которую Аверинцев прочитал в 1993 г., рассуждая о Священном писании. Делясь размышлениями исторического и теологического порядка с членами общины, которые собрались в храме Сретенского монастыря в Москве²⁵, он говорил о Евангельской традиции как о призыве к ответственности:

И каждому поколению евангельские слова будут что-то говорить заново. В некотором смысле то, что истолковано, разъяснено, оно может быть совершенно правильно, истинно истолковано... но вот это слово уже сказано. Евангельские слова имеют ту новизну, которой ни у чего больше нет, потому что они обращаются к нам, и в некотором смысле это наша задача — их истолковать жизнью [Аверинцев 2007а, 90].

Можно заключить, что для Аверинцева и Седаковой традиция не утрачивает характер *auctoritas*, однако речь идет о «живом» авторитете: его послание меняется, потому что оно меняет всякого, кто его получает. Традиция — не безличная, принуждающая сила, а, скорее, драгоценный ресурс, который дается всем, как писал Борис Пастернак, которого цитирует Седакова: «Всем нам являлась традиция и всем обещала лицо»²⁶.

Передача: поиск живого языка

Для Аверинцева и Седаковой традиция как «передача» является одновременно необходимостью и целью в сфере культуры, сле-

25. Эта гомилия — важное свидетельство усилий Аверинцева как можно шире распространить идеи, изначально выработанные в академическом контексте. В ней он рассказывает о путешествиях по Европе (Рим, Берлин и Эльзас), во время которых он неоднократно выступал с размышлениями о связи между христианством и культурой. Первые слова гомилии позволяют понять отношение

Аверинцева к своей аудитории: «С большим смущением, по долгу послушания и чтобы все в нашей жизни было общее, я как-то коротко попробую рассказать» [Аверинцев 2007б, 87].

26. [Седакова 2005а]. Оригинал см., напр., здесь: Пастернак Б. «Охранная грамота» [Пастернак, 152]. — Прим. ред.

довательно, она накладывает ответственность по отношению к своей эпохе. Как пишет Седакова, слова традиции обладают способностью перевернуть нашу жизнь: «И какая-то фраза, написанная пятьсот лет назад, взорвет нашу обыденность не меньше, чем непредвиденный полночный звонок» [Седакова 2018, 5]. И Аверинцев, и Седакова указывали, что отказ от всякой традиции или гипертрофированная приверженность традиции в современную эпоху парадоксальным образом высветили не столько смерть традиции, сколько потребность ясно обозначить ее связь с новым. Аверинцев подчеркнул важность этой задачи, выступая в Итальянском парламенте в 2002 г.:

Что библейские предания, греческие предания могут дать нам сегодня? <...> ...Мы не можем воспринимать все это как нечто нам попросту дарованное; каким-то образом и в какой-то мере все это мы должны снова обрести, обрести сегодня [Аверинцев 2013а, 469, 471].

Седакова также понимает, насколько важна эта задача в наше время: «Вызов прояснить нечто, что столетиями полусознательно передавалось от человека к человеку» [Седакова 2010м, 700].

Как перевод письменного текста рожден потребностью позволить ему заговорить на другом языке, т. е. передать заложенное в него послание словами, которые понятны другой аудитории, так и передача традиции всегда связана с языком. Однако из вопроса о языке вытекает целый ряд дальнейших проблем, которые Аверинцев и Седакова отнюдь не недооценивают. В интервью 2014 г. Седакова говорит о том, что сам язык может застыть и превратиться в простое воспроизведение лишенных содержания форм: «человеческому слову постоянно угрожает опасность перестать говорить, и тогда словесный ряд течет мимо высказывания, как некая безразличная стихия “готовых слов”» [In Praise of Poetry, 413]. В 1996 г. Аверинцев написал большое эссе «Слово Божие и слово человеческое». В нем он указывает, что ослабление или «акт деструкции» языка [Аверинцев 2013б, 113] является корнем того, что можно назвать «послеатеистической ситуацией» [Аверинцев 2013б, 113]: «В настоящее время вера в Откровение противостоит совсем новый вызов, пришедший на смену умершему атеизму: неверие в слово как таковое, вражда к Логосу» [Аверинцев 2013б, 109–111]. Аверинцев открыто говорит об этом новом вызове, но в то же время напоминает, что «ослабление» языка заметили отнюдь не в XX в. Об этом сказано еще в библейском тексте:

...Но верно ли, надежно ли слово, разделяющее немощь человека? <...> Псалмопевцу его опыт внушил мысль, которую он сам, правда, называет опрометчивой, однако же высказывает: «всякий человек ложь» (Пс 115:2) [Аверинцев 2013б, 107].

В то же время, поскольку мысль Аверинцева носила антиномический характер²⁷, он говорит о силе языка:

Человеческая речь, угловатая, затрудненная, подчас косноязычная, в которую облакает себя Слово Божие, тоже аспект кенотического снисхождения, принятого на Себя Логосом из любви к нам. <...> ...Человеческое слово ...*sarax Dei* [Аверинцев 2013б, 103].

Тогда встают два основных вопроса: какое человеческое слово может быть посредником при передаче традиций и в чем состоит «что-то главное», которое должно быть передано, «кроме перечня необходимых сведений» [Седакова 2005а]. Размышления Седаковой и Аверинцева дают ключ к пониманию того, как они решают эти вопросы. С одной стороны, Седакова, рассуждая о роли Данте в истории культуры, подчеркивает, что он взялся «от себя лично» говорить о “последних вещах”, причем говорить на народном, профанном языке» [Седакова 2010в, 133]. С другой стороны, Аверинцев со свойственным ему спокойствием мысли высказывает утверждение, которое многим покажется необычным: «...христианству изначально чужд концепт особого “сакрального языка”, на котором, и на нем одном, может говорить Откровение» [Аверинцев 2013б, 101]. Следовательно, оба они, Аверинцев и Седакова, размышляют о «секулярном» языке, и оба считают, что он наделен особой силой: он был носителем Откровения, на нем можно говорить о «последних вещах». Отказ от сакрального языка воспринимается так же, как призыв осознать тварность человека со всеми вытекающими из этого опасностями и с ответственностью не совершать «актов деструкции», лишаящих нас слов, из которых складывается жизнь культуры.

Две следующих цитаты позволяют лучше понять, какими видятся Аверинцеву и Седаковой пути передачи традиции и само передаваемое послание. В 1998 г. на вручении в Ватикане премии имени Владимира Соловьева Седакова произнесла проникновен-

27. Об антиномическом характере мысли Аверинцева см.: [Россисси, 108].

ные слова о возможности нового христианского искусства, а значит, и нового христианского языка — близкого повседневному, но не обыденного, отличающегося простотой, которая, тем не менее, не приводит к отсутствию содержания²⁸. Как пример передачи этой традиции она упоминает Пастернака: «Но в Пастернаке новое христианское искусство заговорило о другом: о Творении, об Исцелении... о Жизни» [Седакова 1998]. И далее замечает: «И кто сказал бы, что эта триада “последних вещей” менее прямо относится к христианским корням, чем первая?» [Седакова 1998].

Поэтический словарь Пастернака, тесно связанный со сферой природы, по своему содержанию близок корням христианства, а именно — Искуплению. Аверинцев еще больше подчеркивает созвучие современной поэзии Пастернака сердцевине христианской традиции в отрывке, где он описывает постоянные свойства Византийской Пасхи, т. е. «церемонии освящения (εγκαινία) всего творения и весны... природной и космической притчи, близкой духовному возрождению...» [Averintsev 2006, 227]:

...Некоторые аналогии с восприятием весны как космической, изначальной Пасхи можно найти в русской поэзии XX в., то есть в стихотворении Пастернака «На Страстной» из романа «Доктор Живаго», где мельчайшие подробности описания весенней погоды и движение верующих от Страстной недели к Пасхальной службе сливаются воедино, чтобы совместно подготовить к Воскресению [Averintsev 2006, 227].

Отсылку к поэзии Бориса Пастернака можно воспринимать как черту христианского гуманизма Аверинцева и Седаковой: они верят в жизненную силу языка, который позволяет поэту говорить о неразрывном переплетении природы и Откровения в человеческом существовании.

Гуманизм: «Помни, что тебе присуще нечто благое»

Гуманистическая деятельность Аверинцева и Седаковой пришла на исторический этап XX в., когда слово «гуманизм» переживало острый кризис, связанный с опытом нацизма и фашизма, советского тоталитаризма, концлагерей и ГУЛАГа, ужасов Второй мировой войны. Тем не менее, ряд текстов доказывает, что Аверинцев, выросший в подобном историческом контексте, был

28. См. подробнее: [Седакова 1998].

убежден, что отношения с «другим» всегда подразумевают акт доверия и не только доверия, но и веры:

...Мое сердце, которое тогда было оскорблено неуважительностью властителей, не может иначе: оно стремится к тому, чтобы каждому человеку оказывалось внимание и уважение, даже и тогда, когда бывает необходимо высказать всю правду без прикрас [Аверинцев 2013в, 515].

Ниже он продолжает:

Вера и верность по отношению друг к другу на основе того, что мы пережили, призывают не только к толерантности, но и к солидарности и, в известном смысле, к единству [Аверинцев 2013в, 515–517].

Седакова подчеркивает, что вера Аверинцева отнюдь не рождена оптимистической идеализацией природы человечества: «В его мысли была отрезвляющая корректива к энтузиазму начала века, без которой речь “после Аушвица и Гулага” была бы просто лживой» [Седакова 2010ц, 775, сноска 1]. Не исключая возможности веры в человечество, эта «отрезвляющая корректива», напротив, представляет собой почву, на которой вера может расцвести, и новый критерий выбора:

Более всего хотелось бы мне уберечься от двух симметрически противоположных родов глупости: от Сциллы оптимизма и от Харибды пессимизма [Аверинцев 2006, 763].

Седакова разделяет подход Аверинцева и в статье «Вопрос о человеке в современной секулярной культуре» называет две крайности, не позволяющие должным образом осмыслить *conditio humana*: с одной стороны, прославление человека как непогрешимого, постоянно стремящегося к прогрессу существа, с другой — недоверие к человеку, деяния которого, даже не являясь злыми, остаются несовершенными. Вот как описывает Седакова последствия второй крайности:

Что такое человек? Это существо травмированное, ранимое, бедное, больное, опустошенное своей долгой историей. Ничего хорошего в нем нет: он и сам может превратиться в палача. И такое существо необходимо хранить. И не требовать от него по возможности ничего чрезвычайного [Седакова 2010б].

Согласно Седаковой, подобный подход существует как в секулярной, так и в религиозной перспективе. В отношении последней, в которой человек идентифицируется с «падшей природой», Седакова подчеркивает:

Да, удивительным образом антигуманистическое христианство... стало привычным и не обсуждаемым... По этому презрению к «человеческому» часто и узнают «истинно благочестивых» людей [Седакова 2010г, 834–835].

Что касается секулярной перспективы, Седакова приводит пример Андре Глюксманна, который, размышляя о трагедиях XX в., сформулировал новую, «одинадцатую» заповедь: «Помни, что тебе присуще зло!» [Седакова 2010б]. Ниже Седакова замечает:

Прекрасно, и этому веками учила монашеская педагогика. Есть еще одна вещь, которую забыли еще крепче, и, может быть, стоит о ней сказать: «Помни, что тебе присуще нечто благое» [Седакова 2010б].

Эта парадоксальная перспектива, которую Седакова описывает словами, понятными не только в узкорелигиозном контексте, представляет собой, по сути, передачу ключевого понятия христианской антропологии. Сергей Аверинцев выразил то же самое в 1967 г. при помощи единственного доступного в то время средства распространения элементов христианской культуры в публичной сфере, в статье «Философская антропология» в знаменитом пятом томе «Философской энциклопедии»²⁹:

Если образ Божий присутствует в человеке как его неотъемлемое, хотя и ежедневно оскверняемое достояние, то подобие Божье не столько дано, сколько задано человеку [Аверинцев 1970, 355].

29. Значение написанных Аверинцевым статей не осталось незамеченным в Западной Европе. В 1972 г., рецензируя тома «Советской энциклопедии», Пауль Элен увидел в них «иное отношение чем то, к которому мы привыкли, вероятно, связанное с тем, что при социализме христианство не исчезает, а остается силой, которую нужно признать и которую нельзя просто заклеить как «опиум» (Маркс и Ленин)» [Ehlen, 381]. Далее Элен сосредотачивает внимание на статье «Христианство», подчеркивая отношение

Аверинцева к «передаче» культуры: «Он не только дает правильное по сути описание христианского послания, но и старается подвести читателя к пониманию этих таинств» [Ehlen, 382]. Ниже Элен подчеркивает, что статья Аверинцева вносит весьма значительный, современный вклад в политическую теологию: «...мы находим здесь рассказ о христианском поведении в мире — куда более адекватный, чем большинство из того, что можно найти в “политической теологии”, как ее сегодня излагают на Западе» [Ehlen, 387–388].

В подобной гуманистической перспективе Аверинцев и Седакова рассматривают память о неотъемлемости образа Божьего и о возможностях, данных человечеству, чтобы уподобиться Богу, как главную цель передачи культуры: «Быть человеком — не данность, а задание. Обучение, пайдейя делает человеком. Обучение здесь явно заместило архаическое мистическое или мистериальное “второе рождение”» [Седакова 2010е, 74]. Для Аверинцева и Седаковой культура как *paideia* — не принуждающая сила, а голос, принимающий форму дружбы, желания человека открыть самого себя и свою ценность.

Да сохранит тебя Господь,
Который всех хранит.
В пустой и грубой жизни,
Как в поле, клад зарыт [Седакова 2010з, 175].

Заключение

В 1988 г. в телепередаче «Беседы о русской культуре» Юрий Лотман рассказывал о путях распространения гуманизма в XIV в.:

После больших исторических переломов требуется большое культурное усилие для того, чтобы человек создал вокруг себя ту коммуникативную сферу, то пространство, где он опять будет уверенно находить себе партнеров и чувствовать, что его понимают. Значительную роль в этом культурном, очень напряженном, процессе играет создание малых коллективов. В небольшом коллективе... создаются те нормы, которые потом становятся нормами общества. <...> Там, где нет малых коллективов, там нет и большой культуры [Лотман, 441–442].

Неслучайно размышления Лотмана о гуманистической культуре можно отнести и к описанию «маргинальных» пространств позднесоветской культурной жизни: говоря о кругах гуманистов, Лотман помнил об опыте «Семиотической школы», которую он основал в Тарту и Москве в 1960-е гг. Нельзя не сказать и о том, что Лотмана и двух интеллектуалов, которым посвящена настоящая статья, связывали тесные и постоянные отношения³⁰. Подня-

30. См.: О. Седакова. «Путешествие в Тарту и обратно. Запоздалая хроника» [Седакова 2005б]. Напомним, что Аверинцев выступил редактором «Собрания сочинений» Ю. М. Лотмана [Лотман 2000].

тая Лотманом проблема (решающая роль «малых коллективов» в восстановлении коммуникативной сферы общества) сегодня не менее важна, чем в то время.

Задача настоящей статьи — пролить свет на работу двух интеллектуалов, которые, находясь в меньшинстве, стремились нести свидетельство веры в живую непрерывность христианского гуманизма, вокруг которого могли сплотиться Восток и Запад, несмотря на конфликты и исторические разногласия. Дружба Аверинцева и Седаковой — один из многих примеров, относящихся ко времени перехода от советской к постсоветской эпохе: в этом контексте действовали и поныне действуют другие фигуры и малые коллективы. На наш взгляд, само их существование подталкивает нас к тому, чтобы расширить представление о «ВОЗМОЖНОМ».

Перевод Анны Ямпольской

Источники и литература

1. *Аверинцев. 1937–2004* = Сергей Сергеевич Аверинцев. 1937–2004 / Сост., ред. Н. П. Аверинцева, Н. Б. Полякова, В. Б. Черкасский. М. : Наука, 2005. 170 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. Литература и язык; вып. 29).
2. *Аверинцев 1970* = Аверинцев С. С. Философская антропология // Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова. М. : Советская энциклопедия, 1970. С. 354–355.
3. *Аверинцев 2005* = Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // Он же. Собрание сочинений. Т. 3 : Связь времен / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. Киев : Дух і літера, 2005. С. 342–359.
4. *Аверинцев 2006* = Аверинцев С. С. Будущее христианства в Европе // Он же. София-Логос. Словарь. Киев : Дух і літера, 2006, С. 763–775.
5. *Аверинцев 2007а* = Аверинцев С. С. Духовные слова : К 70-летию со дня рождения С. С. Аверинцева. М. : СФИ, 2007. 232 с.
6. *Аверинцев 2007б* = Аверинцев С. С. О поездке в Рим, Эльзас и Берлин // Духовные слова : К 70-летию со дня рождения С. С. Аверинцева. М. : СФИ, 2007. С. 87–91.
7. *Аверинцев 2007в* = Аверинцев С. С. Христианство и культура // Духовные слова : К 70-летию со дня рождения С. С. Аверинцева. М. : СФИ, 2007. С. 165–170.
8. *Аверинцев 2013а* = Аверинцев С. С. Импровизация // Римские речи. Слово Божие и слово человеческое / Сост. П. Адзаро. М. : Изд-во Москов-

- ской патриархии; Roma : Sofia. Idea russa, idea d'Europa, 2013. С. 468–471 (на русском и итальянском языках).
9. *Аверинцев 2013б* = Аверинцев С. С. Слово Божие и слово человеческое // Римские речи. Слово Божие и слово человеческое. М. : Изд-во Московской патриархии; Roma : Sofia. Idea russa, idea d'Europa, 2013. С. 78–117 (на русском и итальянском языках; впервые опубликовано по-итальянски: Parola divina e parola umana // La Nuova Europa. 1996. V. 266. N. 2. P. 5–19).
 10. *Аверинцев 2013в* = Аверинцев С. С. Солидарность во имя опального Бога : Опыт советского времени как предостережение для настоящего времени и на будущее // Римские речи. Слово Божие и слово человеческое. М. : Изд-во Московской патриархии; Roma : Sofia. Idea russa, idea d'Europa, 2013. С. 484–519.
 11. *Голубович* = Голубович К. Поэт и тьма. Политика художественной формы // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения : Сборник научных статей / Ред. С. Сандлер и др. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 49–111.
 12. *Интервью* = Интервью с о. Георгием Кочетковым, 29 июля 2018 г., Москва. Архив автора.
 13. *Кочетков* = Кочетков Георгий, свящ. Чудо личности академика Сергея Аверинцева // С. С. Аверинцев. Духовные слова. М. : СФИ, 2007. С. 5–7.
 14. *Кукулин* = Кукулин И. Стилизация фольклора как воспоминание о Европе : «Старые песни» и «Песни западных славян» // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения : Сборник научных статей / Ред. С. Сандлер и др. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 295–320.
 15. *Лотман 2000* = Лотман Ю. М. Собрание сочинений. 2-е изд., испр. Т. 1 : Русская литература и культура Просвещения. М. : ОГИ, 2000. 530 с.
 16. *Лотман 2005* = Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : (Телевизионные лекции). Цикл второй : Взаимоотношения людей и развитие культур : Лекция 5 (1988 г.) // Воспитание души. СПб. : Искусство, 2005. С. 442–448.
 17. *Можно жить дальше* = «Можно жить дальше...» : Интервью Ольги Седаковой // Седакова О. А. Вещество человечности : Интервью 1990–2018 / Сост. Ю. Подлубнова. М. : Новое литературное обозрение, 2019. С. 380–395.
 18. *Палофф* = Палофф Б. Если это не сад: Ольга Седакова и незавершенная работа творения // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения : Сборник научных статей / Ред. С. Сандлер и др. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 494–521.
 19. *Пастернак* = Пастернак Б. Охранная грамота // Он же. Собрание сочинений : В 5 т. Т. 4 : Повести. Статьи. Очерки. М. : Художественная литература, 1991. С. 149–239.

20. *Седакова 1986* = Седакова О. А. Врата, окна, арки : Избранные стихотворения. Париж : YMCA Press, 1986. 131 с.
21. *Седакова 1998* = Седакова О. А. «Счастливая тревога глубины» : Речь при вручении премии «Христианские корни Европы» имени Владимира Соловьева. Ватикан, 1 июля 1998 г. URL: olgasedakova.com/Moralia/266 (дата обращения: 15.04.2019).
22. *Седакова 2005a* = Седакова О. А. О природе традиции. URL: <http://www.sedakova.narod.ru/artc/trad.htm> (дата обращения: 15.04.2019).
23. *Седакова 2005б* = Седакова О. А. Путешествие в Тарту и обратно. Запо-здаля хроника // Она же. Два путешествия. М. : Логос, 2005. С. 71–110.
24. *Седакова 2005в* = Седакова О. А. Сергей Сергеевич Аверинцев : К творческому портрету ученого // Сергей Сергеевич Аверинцев. 1937–2004 / Сост., ред. Н. П. Аверинцева, Н. Б. Полякова, В. Б. Черкасский. М. : Наука, 2005. С. 6–72. (Материалы к биобиблиографии ученых. Литература и язык; вып. 29).
25. *Седакова 2010a* = Седакова О. А. Апология рационального. С. С. Аверинцев // Она же. Четыре тома. Т. 4 : *Moralia*. М. : Фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 519–547.
26. *Седакова 2010б* = Седакова О. А. Вопрос о человеке в современной секулярной культуре : Доклад на Международной научно-богословской конференции «Жизнь во Христе: христианская нравственность, аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи», Москва, 15–18 ноября 2010 г. URL: <http://www.olgasedakova.com/Moralia/872> (дата обращения: 15.04.2019).
27. *Седакова 2010в* = Седакова О. А. «В целомудренной бездне стиха» : О смысле поэтического и смысле доктринального : Инаугурационная лекция по случаю присвоения звания доктора богословия *honoris causa* (Минск, 3 марта 2003 г.) // Она же. Четыре тома. Т. 3 : *Poetica*. М. : Фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 127–140.
28. *Седакова 2010г* = Седакова О. А. Два отклика на кончину Папы Иоанна Павла II // Она же. Четыре тома. Т. 4 : *Moralia*. М. : Фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 830–835.
29. *Седакова 2010д* = Седакова О. А. Два отклика на кончину Сергея Сергеевича Аверинцева // Она же. Четыре тома. Т. 4 : *Moralia*. М. : Фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 795–811.
30. *Седакова 2010е* = Седакова О. А. Европейская традиция дружбы // Она же. Четыре тома. Т. 4 : *Moralia*. М. : Фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 65–81.
31. *Седакова 2010ж* = Седакова О. А. М. М. Бахтин — другая версия // Она же. Четыре тома. Т. 4 : *Moralia*. М. : Фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 88–98.

32. *Седакова 2010з* = Седакова О. А. «Отшельник говорит» : Из цикла «Тристан и Изольда» // Она же. Четыре тома. Т. 1 : Стихи. М. : Фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 145–176.
33. *Седакова 2010и* = Седакова О. А. Рассуждение о методе. Сергей Сергеевич Аверинцев и его книга «Поэты» // Она же. Четыре тома. Т. 4 : *Moralia*. М. : Фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 768–794.
34. *Седакова 2010к* = Седакова О. А. Свобода как эсхатологическая реальность // Она же. Четыре тома. Т. 4 : *Moralia*. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 13–29.
35. *Седакова 2010л* = Седакова О. А. Четыре тома : [Сочинения : В 4 т.] Т. 1 : Стихи. Т. 2 : Переводы. Т. 3 : *Poetica* Т. 4 : *Moralia*. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010.
36. *Седакова 2010м* = Седакова О. А. The Light of Life. Some Remarks on the Russian Orthodox Perception // Она же. Четыре тома. Т. 4 : *Moralia*. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 677–705.
37. *Седакова 2017* = Седакова О. А. Мариины слезы. Комментарии к православному богослужению. Поэтика литургических песнопений. М. : Благодетство, 2017. 176 с.
38. *Седакова 2018* = Седакова О. А. Голос друга. Голос Европы. Заметки переводчика // Франсуа Федье. Голос друга. 2-е изд. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. С. 5–12.
39. *Седакова 2019* = Седакова О. А. Вещество человечности : Интервью 1990–2018 / Сост. Ю. Подлубнова. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 648 с.
40. *Файбышенко* = Файбышенко В. Свобода и центр : Несколько слов о переписке Владимира Библихина и Ольги Седаковой // «И слову слово отвечает» : Владимир Библихин — Ольга Седакова : Письма 1992–2004 годов. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. С. 15–22.
41. *Averintsev 2006* = Averintsev S. S. Some constant characteristics of Byzantine Orthodoxy // *Byzantine Orthodoxies : Papers from the Thirty-sixth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Durham, 23–25 March 2002* / Eds. A. Louth, A. Casiday. Aldershot : Ashgate, 2006. P. 215–228.
42. *Ehlen* = Ehlen P. The New Soviet Philosophical Encyclopedia. I : New Attitudes of Soviet Philosophers toward Theology // *Studies in Soviet Thought*. 1972. V. 12. N. 4. P. 381–390.
43. *Eliot* = Eliot T. S. Notes towards the Definition of Culture. New York : Harcourt Brace and Co., 1949. 128 p.
44. *Il mio nuovo Dante* = Il mio nuovo Dante : [Intervista ad Olga Sedakova]. URL: <http://www.olgasedakova.com/it/interview/1100> (на итальянском языке) (дата обращения: 15.04.2019).

45. *In Praise of Poetry* = In Praise of Poetry : An Interview with Caroline Clark, Ksenia Golubovich and Stephaine Sandler // Вещество человечности. Интервью 1990–2018. М. : Новое литературное обозрение, 2019. С. 411–424.
46. *Kahn, Lipovetsky, Rayfman* = Kahn A., Lipovetsky M., Rayfman I., Sandler S. A History of Russian Literature. Oxford : Oxford University Press, 2018. 960 p.
47. *Hassner* = Hassner P. The Public Intellectual and the Experience of Totalitarianism // Eds. A. M. Melzer, J. Weinberger, R. M. Zinman. The Public Intellectual : Between Philosophy and Politics. Lanham; Boulder; New York; Oxford : Rowman & Littlefield publishers, 2003. P. 123–139.
48. *Posner* = Posner R. A. Public Intellectuals : A Study of Decline. Cambridge, MA; London : Harvard UP, 2001. 416 p.
49. *Roccucci* = Roccucci A. Comprensione dell'alterità e incontro tra universi culturali nel pensiero di Sergej Sergeevič Averincev // Eds. V. Benigni, A. Salacone. Ulica Ševčenko 25 korpus 2 : Scritti in onore di Claudia Lasorsa. Cesena; Roma : Caissa Italia, 2011. P. 103–112.
50. *Sutton* = Sutton J. Studies in East European Thought : Introduction // Studies in East European Thought. 2006. V. 58. N. 2. P. 69–71.
51. *Sedakova 2006* = Sedakova O. Reflections on Averintsev's Method // Studies in East European Thought. 2006. V. 58. N. 2. P. 73–84.
52. *Sedakova 2007* = Sedakova O. A. Author's Note : A Few Lines About My Life // The Hudson Review : [Special edition published on the occasion of Olga Sedakova's residency at Stanford University in Spring 2007]. 2007. P. 6–8.
53. *Sedakova 2014* = Sedakova O. An Interview with Olga Sedakova // Ibid. In Praise of Poetry / Transl. and ed. by C. Clark, K. Golubovich and S. Sandler. Rochester, NY : Open Letter, 2014. P. 191–207.
54. *Sigov* = Sigov K. Averintsev's Archipelago: Towards Understanding the Era of Post-Atheism // Studies in East European Thought. 2006. V. 58. N. 2. P. 85–93.